

ДИСКУССИИ

© Ю. Н. ГОЛУБЧИКОВ, О. Ю. ГОЛУБЧИКОВ

ТРАНСФОРМАЦИИ И ТРАЕКТОРИИ РУССКОЙ АНТРОПОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ¹

На рубеже 1920—1930-х гг. над советской географической наукой разразилась самая сокрушительная идеологическая буря. На десятилетия определила она облик и содержание отечественной географии. Произошло это так. Группа марксистов во главе с философом М. Б. Митиным и географом Н. Н. Баранским объявила о принципе партийности в науке и провозгласила принципиальные различия законов, управляющих природой и обществом. Строгие голоса предупреждали, что любые попытки смешения естественных и общественных законов в одной концептуальной схеме недопустимы.

Физическую географию было предложено считать естественно-научной дисциплиной, руководствующейся прежде всего положениями диалектического материализма и эволюционизма. Экономическая география была объявлена общественной наукой, базирующейся на фундаменте исторического материализма и политэкономии. В соответствии с разделением политэкономии на политэкономии капитализма и политэкономии социализма экономическую географию было предложено разграничить на экономическую географию капиталистических стран и советскую экономическую географию, ибо закономерности развития этих двух систем различаются коренным образом. Структура науки, таким образом, выстроилась на основе схемы смены общественно-экономических формаций. Различия же страновые, континентальные и пространственные были лишены какого бы ни было значения.

До этого события российская географическая наука развивалась естественно-гуманитарным путем. Русская антропогеографическая школа, ведущая начало с работ К. Бэра, развивала немецкую антропогеографическую традицию, представленную именами И. Гердера, Ф. Рихтгофена, К. Риттера, Ф. Ратцеля, А. Геттнера, французскую школу географии человека Э. Реклю и П. Видаль-де-ля-Блаша, американскую гуманитарную географию.

Страноведение рассматривалось как наука, лежащая между землеведением и ландшафтоведением. На базе страноведения формировалось учение о ланд-

¹ От редакции. Редакционная коллегия не может согласиться с некоторыми спорными и ошибочными суждениями авторов, но публикует статью без изменений, вынося ее на суд читателей, с учетом возможности ответных выступлений в нашем журнале.

шафте Л. С. Берга [2, 4]. Человек в ландшафте изучался в двух аспектах: как фактор воздействия на ландшафт (антропогенный аспект) и как объект воздействия природного ландшафта на самого человека через его быт, уклад и духовный мир (антропогеографический аспект). Больше половины публикаций в научных географических журналах было посвящено географии человека и этнографии различных регионов [7].

На образованном в 1925 г. первом в истории России географическом факультете Ленинградского университета были кафедры общего землеведения (заведующий проф. А. А. Григорьев) и страноведения (заведующий проф. Л. С. Берг). В учебных планах географического отделения Московского университета в 1926 г. значилось три основных направления: физическая география, география человека и страноведение. В направление «география человека» включались такие дисциплины, как систематика и география человеческих рас, описательное народоведение, география колоний, этнография СССР, география переселенческих районов, методика краеведения, история культуры и, наконец, экономическая география [7, 17]. Как своего рода «малое страноведение» развивалось краеведение [1, 3].

В 1929 г. учебное направление «география человека» ликвидируется на географическом отделении МГУ. На географическом факультете Ленинградского университета кафедры общего землеведения и страноведения объединяются в 1931 г. в новую кафедру физической географии. «Цикл „физической географии“ был направлен на подготовку специалистов по геоморфологии, и к нему не было претензий. Но кого мог выпустить цикл „география человека“..? Еще больше сомнений вызывал цикл „страноведение и краеведение“, в учебном плане которого не было курсов специализации, за исключением только „музееведения“» ([14], с. 25).

Л. С. Берг был вынужден покинуть Ленинградский университет и до 1938 г. работал в ихтиологической лаборатории Зоологического музея. Но с возвращением в университет критика Л. С. Берга вновь активизировалась. На этот раз за воззрения, изложенные в выпущенной им в 1922 г. книге «Номогенез» [5], Л. С. Берга упрекали в идеализме и органической трактовке природы, в спровоцированном им зарубежном интересе к антидарвинизму, вызванном английским переводом книги «Номогенез», в цитировании фашистских палеонтологов [18]. Дело тут еще в том, что дарвинизм стал важнейшей частью диалектического материализма и любое противодействие ему воспринималось как покушение на основы партийной идеологии.

Антропогеография была объявлена примером исторически замкнутой, погибшей школы [10]. Конкуренции с диалектическим и историческим материализмом ей было не выдержать. «Антропогеография того времени была поисковой дисциплиной, — отмечает Ю. Г. Симонов, — И вот ее объявляют буржуазной и никому не нужной. Несомненно, что из того, что было тогда в этой области известно, она являлась начальной частью будущей науки... Антропогеография рождалась как часть целого, без которой жизнь географии целой стать не могла» ([15], с. 333).

Из многомерной географии человека в СССР выжила только одна дисциплина — «экономическая география», созданная революционно мыслящими молодыми учеными во главе с марксистом Н. Н. Баранским. Ландшафтоведение же оказалось чисто природной дисциплиной и даже в этом виде вплоть до 1955 г. подвергалось идеологическим атакам. Инициатором их выступал давний недруг Л. С. Берга академик А. А. Григорьев, который сам в свою очередь

был впоследствии ошельмован за смешение законов физической и экономической географии в рамках выдвинутой им парадигмы единого географического процесса [7, 18, 19].

Хотя в дальнейшем ситуация внутри и вокруг науки значительно смягчилась, волны идеологических воздействий по-прежнему захлестывали географов. Первым и главным критерием при выдвижении на должность старшего научного сотрудника или доцента были не профессиональные качества, не знание английского языка или компьютера, а членство в КПСС. При этом вступить туда увлеченному той же «географией человека» было практически невозможно, зато потерять работу в институте или университете — вполне возможно.

В древнейшей и увлекательнейшей науке утратился изначально присущий ей синтез философии, науки и искусства. Естественно-гуманитарное единство географии оказалось раздробленным на множество дисциплин. Физико-географическая характеристика страны или части света стала преподноситься так, будто не существуют ни народов, ни населения, ни их истории. В физической географии исчез человек, остался лишь антропогенный фактор, в экономической географии — не осталось природы, остались только природные ресурсы.

Сетка экономико-географического районирования перестала накладываться на физико-географическую. «В практику общественных отраслей географии прочно вошло использование в качестве объектов исследования отдельных государств или их административных подразделений. При этом обычно не уделяется внимания их ландшафтной структуре, т. е. внутренней разнородности изучаемой территории в природном отношении. Это приводит к грубым ошибкам в научных оценках и просчетах в практических выводах и рекомендациях» ([11], с. 3). Курс физической географии перестал логически предшествовать курсу экономической, а курс экономической географии не продолжает курс физической. Это два разных курса. Изучать их стало возможным совершенно порознь. И уж вовсе отдаленными оказались они от курса истории.

Физическая география лишилась своих пространствоведческих, антропо-географических, страноведческих, историко-культурных и этнографических составляющих. Но и экономической географии они оказались не нужны. С тех пор под этим названием стала выступать экономико-отраслевая география, оперирующая прежде всего хозяйственно-управленческими или формально-правовыми системами. Культурные единства если и возникали, то чаще всего безлико и анонимно, без органичной связи с ландшафтно-сакральными ценностями. «Не менее губительным для природы оказалось непризнание еще одной науки, якобы псевдонауки, — геополитики» — отмечал выдающийся географ XX в. Ю. К. Ефремов ([8], с. 44).

До гуманитарной ли тут было географии! В тех условиях предпочтительнее было избегать прямых соприкосновений между физико-географическими и экономико-географическими ветвями географии. Легче было себя чувствовать или там или там. Но рассмотреть с этих двух ветвей этноцивилизационные процессы, географию религий и культур географы были уже не в состоянии. Были, конечно, исключения, но им было нелегко. Тот же Л. Н. Гумилев в силу известных причин не предпочитал приближаться к современности ближе XVIII в. [12].

Многие географы уходили в узкопрактические изыскания или блуждали далеко за пределами своей науки, находя себе удовлетворение в применении арсенала физико-химических или социолого-статистических методов научно-

го анализа. За идеал стал приниматься принцип редукционизма. Чем дальше отстояло исследование от естественно-гуманитарной оси географической науки, тем легче в нем работалось, тем оно серьезнее выглядело. В идеале следовало вообще «освободить географическую картину мира от индивидуальности познающего ее субъекта». Сегодня такие географы обычно стесняются описательного названия своей науки и с удовольствием меняют его на «геоэкологию», хотя место это уже занято инженер-геологами.

Разгром генетики или кибернетики многократно описан и хорошо известен. Гораздо менее освещена ликвидация тех «неглавных наук», что не расширяли мир наших вещей, не усиливали власть человека над природой. Их трагедию еще предстоит осмыслить и описать. К числу таких наук и принадлежали забытые ныне антропогеография, отечествоведение, краеведение.

Патриотический курс краеведения из-за неоправданной засекреченности крупномасштабных топографических карт в СССР почти угас. То официальное движение, которое оформилось к 1970-м гг. под названием «краеведения», правильнее было бы именовать историей КПСС в данном городе или крае. Это уже был полный разгром интереса к краеведению у народа.

Засекреченной отчасти оказалась и конкретная краеведческая информация. Министерство культуры своими циркулярами и рекомендациями немало содействовало нивелировке и шаблонизации краеведческих музеев под тему партийного строительства. Сотни краеведческих музеев оказались похожи один на другой. «Ряд музеев вынужден прятать в фондах ценнейшие коллекции, лишь бы соблюсти заданный им шаблонный процент соотношения определенных разделов тематики. Ужгородский музей славился на всю Европу коллекциями бронзы и нумизматики, но все это было убрано в фонды» ([9], с. 16).

Говоря словами советника президиума РАН академика РАН Б. С. Соколова: «...научное краеведение было в сфере серьезного внимания со стороны Российской академии наук уже с 20-х годов ушедшего столетия и сейчас требует особого внимания, поскольку затрагивает самые глубины провинциальной России, где скрыты корни ее нравственности и корни многих направлений культуры, научно-хозяйственного опыта, предпринимательства» [16].

В народе и сейчас сохраняется образ комплексной географии, единого краеведения, представление о близости географической и исторической наук. Стихийно поднимается третья волна интереса к краеведению. Это порождает интерес к географической карте, к гуманитарной географии, народоведению, пейзажеведению, к локальным историческим разработкам. Общество не интересуется узкодисциплинарными направлениями географии и оно, по-видимому, никогда не будет воспринимать ее, как одну из «точных естественных» наук. Но географической литературы такого рода для широкого потребителя почти нет. Из российских географических изданий выпали живые описания природы и человека. Выросли поколения географов, рассматривающих эти направления как нечто «ненаучное» и «популяризаторское». А ведь именно этими отвергаемыми направлениями как раз и оправдано существование географической науки в глазах налогоплательщика.

То, что в нынешних курсах именуется страноведением, зачастую правильнее было бы называть «государствоведением», поскольку научное страноведение немислимо без синтеза ландшафтно-географических и историко-этнологических материалов. Читая современные страноведческие характеристики, нельзя понять, что за люди живут в том или ином регионе. Кто, например, такие сибиряки и чем они отличаются от москвичей? Из чего состоит жизнь тех и

других? География людей имеет право на существование не в меньшей степени, чем география растений или животных. Человека, как такового, главами о населении и экономике не заменить.

В. В. Преображенский, Т. Д. Александрова, Л. В. Максимова [13] приходят к выводу, что развитие гуманитарной географии на Западе привело к появлению знаний, которые трудно идентифицировать с какой-либо из традиционно выделяемых отечественной наукой отраслей. Подчеркивается общенаучное положение географии человека для географии, подобное тому, которое занимает общее землеведение среди физико-географических наук.

Почти каждый западный университет имеет кафедру гуманитарной географии. На географию человека перемещается все последние десятилетия центр внимания западной университетской школы. Связано это, по мнению Ю. Н. Гладкого и А. Н. Петрова [6], с обретением физической и экономической географиями излишней механистичности и статичности в ходе количественной революции с ее формализованными методами описания пространства и стремлением подменить сущностные основы науки системной фразеологией. Это вызвало протест и утверждало гуманитарную географию, поставившую в центр своего внимания холистический подход с целостным познанием человека.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

- [1] Барков А. С. О научном краеведении. Еще о научном краеведении // Вопросы методики и истории географии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 71—83.
- [2] Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Изв. РГО. 1915. Т. 51. С. 463—475.
- [3] Берг Л. С. Предмет и задачи краеведения // Как изучать свой край. Л., 1925.
- [4] Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. Л., 1930. 402 с.
- [5] Берг Л. С. Труды по теории эволюции. Л.: Наука, 1977. 388 с.
- [6] Гладкий Ю. Н., Петров А. Н. Гуманитарная география: понятийный статус и самоидентификация // Изв. РАН. Сер. географ. 2008. № 3. С. 15—25.
- [7] Дронин Н. М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии. М.: ГЕОС, 1999. 232 с.
- [8] Ефремов Ю. К. Об охране пространства // Изв. РГО. 1997. Т. 129. Вып. 3. С. 44—46.
- [9] Ефремов Ю. К., Калинин Ф. П., Юньев И. С. Значение краеведения для советской географии // Материалы к III съезду Географического общества СССР. Доклады по проблеме «Состояние географии в средней и высшей школе в связи с реформой среднего и высшего образования». Л.: ГО СССР, 1959. 24 с.
- [10] Забелин И. М. Очерки истории географической мысли в СССР 1917—1945. М.: Наука, 1989. 256 с.
- [11] Исаченко А. Г. Ландшафтная структура субъектов Российской Федерации (в связи с научными основами решения региональных проблем) // Изв. РГО. 2011. Т. 143. Вып. 1. С. 3—13.
- [12] Куркчи А. И. Л. Н. Гумилев и его время // Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. С. 23—78.
- [13] Преображенский В. С., Александрова Т. Д., Максимова Л. В. География в меняющемся мире. Век XX. М.: ИГАН, 1997. 273 с.
- [14] Саушкин Ю. Г. Студенческие годы в Московском университете // Из неопубликованной книги «Географическое мышление». Смоленск: Универсум, 2001. С. 15—42.
- [15] Симонов Ю. Г. История географии в Московском университете: события и люди. Т. 1. М.: Городец, 2008. 504 с.
- [16] Соколов Б. С. Строки вольных размышлений // Вестн. РАН. 2000. № 9.
- [17] Shaw D. J. B., Oldfield J. Landscape Science: a Russian Geographical Tradition. Annals of the Association of American Geographers. 2007. Vol. 97 (1). P. 111—126.

- [18] *Shaw D. J. B., Oldfield J. D.* Totalitarianism and Geography: L. S. Berg and the Defence of an Academic Discipline in the Age of Stalin // *Political Geography*. 2008. Vol. 27 (1). P. 96—112.
- [19] *Shaw D. J. B., Oldfield J. D.* Scientific, Institutional and Personal Rivalries among Soviet Geographers in the Late Stalin Era // *Europe-Asia Studies*. 2008a. Vol. 60 (8). P. 1397—1418.

Москва
golubchikov@list.ru
o.golubchikov@bham.ac.uk

Поступила в редакцию
3 февраля 2012 г.

Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 4

© А. Г. ИСАЧЕНКО

КРИЗИС ГЕОГРАФИИ ЧЕЛОВЕКА: ПРИЧИНЫ И ПОИСКИ ВЫХОДА

С некоторого времени стало входить в моду трактовать историю советской географии в одностороннем негативном ракурсе как науки, насквозь «заидеологизированной» и работавшей на тоталитаризм. Более того, предпринимаются попытки свалить ответственность за все беды и низкий общественный авторитет современной российской географии на идеологические козни уже достаточно отдаленного прошлого. К этому «жанру» можно отнести и статью Ю. Н. Голубчикова и О. Ю. Голубчикова [3], которая, судя по ее названию, должна быть посвящена русской антропогеографической школе. Пишу «должна» потому, что фактически о названной школе из статьи мы ничего не узнаем, и сам этот термин в статье не используется. Из русских антропогеографов в ней упоминается лишь К. М. Бэр, известный естествоиспытатель, принадлежность которого к антропогеографической школе можно оспаривать.

В действительности же суть статьи сводится к сетованиям по поводу незавидного современного состояния и положения отечественной географии человека (она же антропогеография, или гуманитарная география). Авторы также негодуют по поводу разрыва между физической географией и географией человека, но при этом считают, что второй должен принадлежать приоритет перед первой, и утверждают, будто именно так и было всегда — до рубежа 20—30-х гг. прошлого столетия, когда география в нашей стране подверглась идеологическому давлению. Предположим, что авторы правы. Но со времени выступления пресловутых «леваков», пытавшихся наклеить ярлыки антимарксистов на Л. С. Берга и некоторых других географов, прошло почти столетие, они получили должную оценку и имена их практически забыты. А в течение последних 30 лет не существует никаких намеков на «идеологизацию» географии, в том числе и гуманитарной. Что же мешает ее расцвету? На этот вопрос авторы не пытаются найти обоснованный ответ и громоздят домыслы, основанные на презумпции вины все той же «идеологизации». В их суждениях нет ничего оригинального или конструктивного, но немало исторических ошибок,